

АРКАДИЙ ГАЙДАР

Р.В.С.

Аркадий Петрович Гайдар

Р.В.С.

Аннотация

«Раньше сюда иногда забегали ребяташки затем, чтобы побегать и полазить между осевшими и полуразрушенными сараями. Здесь было хорошо.

Когда-то немцы, захватившие Украину, свозили сюда сено и солому. Но немцев прогнали красные, после красных пришли гайдамаки, гайдамаков прогнали петлюровцы, петлюровцев – еще кто-то. И осталось лежать сено почерневшими, полусгнившими горами.

А с тех пор, когда атаман Криволюб, тот самый, у которого желто-голубая лента пересекала папаху, расстрелял здесь четырех москалей и одного украинца, пропала у ребяташек всякая охота лазить и прятаться по заманчивым лабиринтам. И остались стоять черные сараи, молчаливые, заброшенные...»

Содержание

1	4
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аркадий Гайдар

Р. В. С.

1

Раньше сюда иногда забегали ребятишки затем, чтобы побегать и полазить между осевшими и полуразрушенными сараями. Здесь было хорошо.

Когда-то немцы, захватившие Украину, свозили сюда сено и солому. Но немцев прогнали красные, после красных пришли гайдамаки, гайдамаков прогнали петлюровцы, петлюровцев – еще кто-то. И осталось лежать сено почерневшими, полусгнившими грудями.

А с тех пор, когда атаман Криволюб, тот самый, у которого желто-голубая лента пересекала папаху, расстрелял здесь четырех москалей и одного украинца, пропала у ребятишек всякая охота лазить и прятаться по заманчивым лабиринтам. И остались стоять черные сараи, молчаливые, заброшенные.

Только Димка забегал сюда часто, потому что здесь как-то особенно тепло грело солнце, приятно пахла горько-сладкая полынь и спокойно жужжали шмели над ярко-красными головками широко раскинувшихся лопухов.

А убитые?.. Так ведь их давно уже нет! Их свалили в общую яму и забросали землей. А старый нищий Авдей, тот,

которого боится Топ и прочие маленькие ребяташки, смастерил из двух палок крепкий крест и тайком поставил его над могилой. Никто не видел, а Димка видел. Видел, но не сказал никому.

В укромном углу Димка остановился и внимательно осмотрелся вокруг. Не заметив ничего подозрительного, он порылся в соломе и извлек оттуда две обоймы патронов, шомпол от винтовки и заржавленный австрийский штык без ножен.

Сначала Димка изображал разведчика, то есть ползал на коленях, а в критические минуты, когда имел основание предполагать, что неприятель близок, ложился на землю и, продвигаясь дальше с величайшей осторожностью, высматривал подробно его расположение. По счастливой случайности или еще почему-то, только сегодня ему везло. Он ухитрялся безнаказанно подбираться почти вплотную к воображаемым вражьиим постам и, преследуемый градом выстрелов из ружей, из пулеметов, а иногда даже из батарей, возвращался невредимым в свой стан.

Потом, сообразуясь с результатами разведки, высылал в дело конницу и с визгом врбался в самую гущу репейников и чертополохов, которые геройски умирали, не желая, даже под столь бурным натиском, обращаться в бегство.

Димка ценит мужество и потому забирает остатки в плен. Затем, скомандовав «стройся» и «смирно», он обращается к захваченным с гневной речью:

– Против кого идете? Против своего брата рабочего и крестьянина? Генералы вам нужны да адмиралы...

Или:

– Коммунию захотели? Свободы захотели? Против законной власти...

Это в зависимости от того, командира какой армии в данном случае изображал он, так как командовал то одной, то другой по очереди. Он так заигрался сегодня, что спохватился только тогда, когда зазвякали колокольчики возвращающегося стада.

«Елки-палки, – подумал он. – Вот теперь мать задаст трепку, а то и жрать, пожалуй, не оставит». И, спрятав свое оружие, он стремительно пустился домой, раздумывая на бегу, что бы соврать такое получше.

Но, к величайшему удивлению, нагоняя он не получил и врать ему не пришлось.

Мать почти не обратила на него внимания, несмотря на то что Димка чуть не столкнулся с ней у крыльца. Бабка звенела ключами, вынимая зачем-то старый пиджак и штаны из чулана. Топ старательно копал щепкой ямку в куче глины.

Кто-то тихонько дернул сзади Димку за штанину. Обернулся – и увидел печально посматривающего мохнатого Шмеля.

– Ты что, дурак? – ласково спросил он и вдруг заметил, что у собачонки рассечена чем-то губа.

– Мам! Кто это? – гневно спросил Димка.

– Ах, отстань! – досадливо ответила та, отворачиваясь. –

Что я, присматривалась, что ли?

Но Димка почувствовал, что она говорит неправду.

– Это дядя сапогом двинул, – пояснил Топ.

– Какой еще дядя?

– Дядя... серый... он у нас в хате сидит.

Выругавши «серого дядю», Димка отворил дверь. На кровати он увидел валявшегося в солдатской гимнастерке здорового детину. Рядом на лавке лежала казенная серая шинель.

– Головень! – удивился Димка. – Ты откуда?

– Оттуда, – последовал короткий ответ.

– Ты зачем Шмеля ударил?

– Какого еще Шмеля?

– Собаку мою...

– Пусть не гавкает. А то я ей и вовсе башку сверну.

– Чтоб тебе самому кто-нибудь свернул! – с сердцем ответил Димка и шмыгнул за печку, потому что рука Головня потянулась к валявшемуся тяжелому сапогу.

Димка никак не мог понять, откуда взялся Головень. Со всем еще недавно забрали его красные в солдаты, а теперь он уже опять дома. Не может быть, чтоб служба у них была такая короткая.

За ужином он не вытерпел и спросил:

– Ты в отпуск приехал?

– В отпуск.

– Вон что! Надолго?

– Надолго.

– Ты врешь, Головень! – убежденно сказал Димка. – Ни у красных, ни у белых, ни у зеленых надолго сейчас не отпускают, потому что сейчас война. Ты дезертир, наверно.

В следующую же секунду Димка получил здоровый удар по шее.

– Зачем ребенка бьешь? – вступилась Димкина мать. – Нашел с кем связываться.

Головень покраснел еще больше, его круглая голова с оттопыренными ушами (за которую он и получил кличку) закачалась, и он ответил грубо:

– Помалкивайте-ка лучше... Питерские пролетарии... Дождетесь, что я вас из дома повыгоню.

После этого мать как-то съежилась, осела и выругала глотавшего слезы Димку:

– А ты не суйся, идол, куда не надо, а то еще и не так попадет.

После ужина Димка забился к себе в сени, улегся на груды соломы за ящиками, укрылся материнной поддевкой и долго лежал, не засыпая.

Потом к нему пробрался Шмель и, положив голову на плечо, взвизгнул тихонько.

– Что, брат, досталось сегодня? – проговорил сочувственно Димка. – Не любит нас с тобой никто... ни Димку... ни Шмельку... Да...

И он вздохнул огорченно.

Уже совсем засыпая, он почувствовал, как кто-то подошел к его постели.

– Димушка, не спишь?

– Н-ет еще, мам.

Мать помолчала немного, потом проговорила уже значительно мягче, чем днем:

– И чего ты суешься, куда не надо. Знаешь ведь, какой он аспид... Все сегодня выгнать грозился.

– Уедем, мам, в Питер, к батьке.

– Эх, Димка! Да я бы хоть сейчас... Да разве проедешь теперь? Пропуски разные нужны, а потом и так – кругом вон что делается.

– В Питере, мам, какие?

– Кто их знает! Говорят, что красные. А может, врут. Разве теперь разберешь?

Димка согласился, что разобрать трудно. Уж на что близко волостное село, а и то не поймешь, чье оно. Говорили, что занимал его на днях Козолуп... А что за Козолуп, какой он партии?

И он спросил у задумавшейся матери:

– Мам, а Козолуп зеленый?

– А пропади они все, вместе взятые! – с сердцем ответила та. – Все были люди как люди, а теперь поди-ка...

...В сенцах темно. Сквозь распахнутую дверь виднеются густо пересыпанное звездами небо и краешек светлого меся-

ца. Димка зарывается глубже в солому, приготавливаясь видеть продолжение интересного, но не досмотренного вчерашна. Засыпая, он чувствует, как приятно греет шею прикорнувшийся к нему верный Шмель...

...В синем небе края облаков серебрятся от солнца. Широко по полям желтыми хлебами играет ветер. И лазурно спокоен летний день. Непокойны только люди. Где-то за темным лесом протрещали раскатисто пулеметы. Где-то за краем перекликнулись глухо орудия. И куда-то промчался легкий кавалерийский отряд.

– Мам, с кем это?

– Отстань!

Отстал Димка, побежал к забору, взобрался на одну из жердей и долго смотрел вслед исчезающим всадникам.

– Вот где жить-то!

Между тем Головень ходил злой. Каждый раз, когда через деревеньку проходил красный отряд, он скрывался где-то. И Димка понял, что Головень – дезертир.

Как-то бабка послала Димку отнести Головню на сеновал кусок сала и ломоть хлеба. Подбираясь к укромному логову, он заметил, что Головень, сидя к нему спиной, мастерит что-то. «Винтовка! – удивился Димка. – Вот так штука! На что она ему?» Головень тщательно протер затвор, заткнул ствол тряпкой и запрятал винтовку в сено.

Весь вечер и несколько следующих дней Димку разбирало любопытство посмотреть, что за винтовка: «Русская либо

немецкая? А может, там и наган есть?» При этой мысли у Димки даже дух захватило, потому что к наганам и ко всем носящим наганы он проникался невольным уважением.

Как раз в это время утихло все кругом. Прогнали красные Козолупа и ушли дальше на какой-то фронт. Тихо и безлюдно стало в маленькой деревушке, и Головень начал покидать сеновал и исчезать где-то подолгу. И вот как-то под вечер, когда лягушиными песнями зазвенел порозовевший пруд, когда гибкие ласточки заскользили по воздуху и когда бестолково зажужжала мошкара, решил Димка пробраться на сеновал.

Дверца была заперта на замок, но у Димки был свой ход – через курятник. Заскрипела отодвигаемая доска, громко заклохтали потревоженные куры. Испугавшись произведенного шума, Димка быстро юркнул наверх. На сеновале было душно и тихо. Пробрался в угол, где валялась красная подушка в перьях, и, принявшись шарить под крышей, наткнулся на что-то твердое. «Приклад!» Прислушался: на дворе – никого. Потянул и вытащил всю винтовку. Нагана не было. Винтовка оказалась русской. Димка долго вертел ее, осторожно ощупывая и осматривая. «А что, если открыть затвор?» Сам он никогда не открывал, но часто видел, как это делают солдаты. Потянул тихонько – рукоятка вверх поддается. Отодвинул на себя до отказа. «Умею!» – горделиво подумал он, но тут же заметил под затвором вынырнувший откуда-то желтоватый патрон. Это его немного озадачило, и

он решил закрыть снова. Теперь пошло ту же, и Димка заметил, что желтый патрон движется прямо в ствол. Он остановился в нерешительности, отодвинув от себя винтовку.

«И куда лезет, черт!» Однако надо было торопиться. Он закрыл затвор и начал потихоньку толкать ружье на место. Запрытал почти все, как вдруг распахнулась дверь и прямо перед Димкой очутилось удивленное и рассерженное лицо Головня.

– Ты что, собака, здесь делаешь?

– Ничего! – испуганно ответил Димка. – Я спал... – И незаметно двинул ногой в сено приклад винтовки. В тот же момент грохнул глухой, но сильный выстрел. Димка чуть не сшиб Головня с лестницы, бросился сверху прямо на землю и пустился через огороды. Перескочив через плетень возле дороги, он оступился в канаву и, когда вскочил, то почувствовал, как расшвирипевший Головень вцепился ему в рубаху.

«Убьет! – подумал Димка. – Ни мамки, никого – конец теперь». И, получив сильный тычок в спину, от которого черная полоса поползла по глазам, он упал на землю, приготовившись получить еще и еще.

Но... что-то застучало по дороге. Почему-то ослабла рука Головня. И кто-то крикнул гневно и повелительно:

– Не смей!

Открыв глаза, Димка увидел сначала лошадиные ноги – целые заборы лошадиных ног.

Кто-то сильными руками поднял его за плечи и поставил

на землю. Только теперь рассмотрел он окружавших его кавалеристов и всадника в черном костюме с красной звездой на груди, перед которым растерянно стоял Головень.

– Не смей! – повторил незнакомец и, взглянув на заплаканное лицо Димки, добавил: – Не плачь, мальчуган, и не бойся. Больше он не тронет ни сейчас, ни после. – Кивнул одному головой и с отрядом умчался вперед.

Отстал один и спросил строго:

– Ты кто такой?

– Здешний, – хмуро ответил Головень.

– Почему не в армии?

– Год не вышел.

– Фамилию... На обратном пути проверим. – Ударил шпорами кавалерист, и прыгнула лошадь с места галопом.

И остался на дороге недоумевающий и не опомнившийся еще Димка. Посмотрел назад – нет никого. Посмотрел по сторонам – нет Головня. Посмотрел вперед и увидел, как чернеет точками и мчится, исчезая у закатистого горизонта, красный отряд.

2

Высохли на глазах слезы. Утихала понемногу боль. Но идти домой Димка боялся и решил обождать до ночи, когда улягутся все спать. Направился к речке. У берегов под кустами вода была темная и спокойная, посередке отсвечивала розоватым блеском и тихонько играла, перекатываясь через мелкое каменистое дно.

На том берегу, возле опушки Никольского леса, заблестел тускло огонек костра. Почему-то он показался Димке очень далеким и заманчиво загадочным. «Кто бы это? – подумал он. – Пастухи разве?.. А может, и бандиты! Ужин варят, картошку с салом или еще что-нибудь такое...» Ему здорово захотелось есть, и он пожалел искренне о том, что он не бандит тоже. В сумерках огонек разгорался все ярче и ярче, приветливо мигая издалека мальчугану. Но еще глубже хмурился, темнел в сумерках беспокойный никольский лес.

Спускаясь по тропке, Димка вдруг остановился, услышав что-то интересное. За поворотом, у берега, кто-то пел высоким переливающимся альтом, как-то странно, хотя и красиво разбивая слова:

Та-ваа-рищи, тава-рищи, –
Сказал он им в ответ, –
Да здра-вству-ит Ра-сия!

Да здра-вству-ит Совет!

«А, чтоб тебе! Вот наяривает!» – с восхищением подумал Димка и бегом пустился вниз.

На берегу он увидел небольшого худенького мальчишку, валявшегося возле затасканной сумки. Заслышав шаги, тот оборвал песню и с опаской посмотрел на Димку:

– Ты чего?

– Ничего... Так!

– А-а! – протянул тот, по-видимому удовлетворенный ответом. – Драться, значит, не будешь?

– Чего-о?

– Драться, говорю... А то смотри! Я даром что маленький, а так отошью...

Димка вовсе и не собирался драться и спросил в свою очередь:

– Это ты пел?

– Я.

– А ты кто?

– Я – Жиган¹, – горделиво ответил тот. – Жиган из города... Прозвище у меня такое.

С размаху бросившись на землю, Димка заметил, как мальчишка испуганно отодвинулся.

– Барахло ты, а не жиган... Разве такие жиганы бывают?.. А вот песни поешь здорово.

¹ Жиган – вор, налетчик.

– Я, брат, всякие знаю. На станциях по эшелонам завсегда пел. Все равно хоть красным, хоть петлюровцам, хоть кому... Ежели товарищам, скажем, – тогда «Алеша-ша» либо про буржуев. Белым, так тут надо другое: «Раньше были денежки, были и бумажки», «Погибла Расея», ну, а потом «Яблочко» – его, конечно, на обе стороны петь можно, слова только переставлять надо.

Помолчали.

– А ты зачем сюда пришел?

– Крестная у меня тут, бабка Онуфриха. Я думал хоть с месяц отожраться. Куды там! Чтоб, говорит, тебя через неделю, через две здесь не было!

– А потом куда?

– Куда-нибудь. Где лучше.

– А где?

– Где? Кабы знать, тогда что! Найти надо.

– Приходи утром на речку, Жиган. Раков по норьям ловить будем!

– Не соврешь? Обязательно приду! – весьма довольный, ответил тот.

Перескочив плетень, Димка пробрался на темный двор и заметил сидящую на крыльце мать.

Он подошел к ней и, потянувши за платок, сказал серьезно:

– Ты, мам, не ругайся... Я нарочно долго не шел, потому Головень меня здорово избил.

– Мало тебе! – ответила она, оборачиваясь. – Не так бы надо...

Но Димка слышит в ее словах и обиду, и горечь, и сожаление, но только не гнев.

– Мам, – говорит он, заглядывая ей в лицо, – я есть хочу. Как собака. И неужто ты мне ничего не оставила?..

...Пришел как-то на речку скучный-скучный Димка.

– Убежим, Жиган! – предложил он. – Закатимся куда-нибудь подальше отсюда, право!

– А тебя мать пустит?

– Ты дурак, Жиган! Когда убегают, то ни у кого не спрашивают. Головень злой, дерется. Из-за меня мамку и Топа гонит.

– Какого Топа?

– Братишку маленького. Топает он чудно, когда ходит, ну вот и прозвали. Да и так надоело все. Ну что дома?

– Убежим! – оживленно заговорил Жиган. – Мне что не бежать? Я хоть сейчас. По эшелонам собирать будем.

– Как собирать?

– А так: спою я что-нибудь, а потом скажу: «Всем товарищам нижайшее почтение, чтобы был вам не фронт, а одно развлечение. Получать хлеба по два фунта, табаку по осьмушке, не попадаться на дороге ни пулемету, ни пушке». Тут как начнут смеяться, снять шапку в сей же момент и сказать: «Граждане! Будьте добры, оплатите детский труд».

Димка подивился легкости и уверенности, с какой Жиган выбрасывал эти фразы, но такой способ существования ему не особенно понравился, и он сказал, что гораздо лучше бы вступить добровольцами в какой-нибудь отряд, организовать собственный или уйти в партизаны. Жиган не возражал, и даже наоборот, когда Димка благосклонно отозвался о красных, «потому что они за революцию», выяснилось, что Жиган служил уже у красных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.